

Муров Г.Т.

Двое в одной шкуре

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Г11

Г11 **Г.Т. М.**
Двое в одной шкуре / Муров Г.Т. – М.: Книга по Требованию, 2026. – 308 с.

ISBN 978-5-519-98210-8

ISBN 978-5-519-98210-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

— Быть можетъ, дѣлають это по предписанію изъ Петербурга.

— Чортъ ихъ знаетъ.

Пауза.

— Право обидно, знаете, получать такія бумаги отъ начальства. Главное эта фраза: „Ваше нерадѣніе къ службѣ вынудить меня замѣнить васъ другимъ лицомъ, болѣе соотвѣтствующимъ дѣлу.“ Каково?!

— Однимъ словомъ—свинство!

— Хороша, знаете, и эта фраза: „Настоящій валиъ выборъ на должность почтово-телеграфнаго чиновника 6 разр. для ввѣренной вамъ конторы доказываетъ ваше полное незнаніе основныхъ законовъ Россійской имперіи“.

— То-есть?

— То-есть нельзя принимать на государственную службу поселенца изъ политически ссыльныхъ.

— Да!!

— Основные законы! Я и въ глаза, знаете, не видѣлъ эти законы! Кромѣ этихъ двухъ сборниковъ*) ничего больше намъ не полагается. Служу 15 лѣтъ и даже не видѣлъ этихъ законовъ. Между тѣмъ они должны быть въ каждой конторѣ почты и телеграфа. Выписывать на свое мизерное жалованье—не имѣю возможности.

Послѣ минутной паузы Ермолкинъ слова взялъ противную бумагу и еще разъ прочиталъ ее, какъ бы не вѣря своимъ глазамъ.

— Обидно, ей-богу! Еслибъ у меня не было долговъ—бросилъ бы, знаете, эту службу. Да и брошу! Выйду въ отставку!..

— Что вы, Александръ Васильевичъ! Стоить ли обращать вниманіе. На всякое чиханіе не наздравствуешься.

— Ну, пѣтъ, знаете,—какъ кому! Брошу, ей-богу, брошу!

*) Съ правилами и циркулярами почтово - телеграфной службы.

— Пропадетъ 15-лѣтняя выслуга. Если къ этимъ 15 л. прибавить еще 10 л.—тогда двѣ трети пенсіи.

Ермолкинъ молча ходилъ по аппаратной насупившись. Черезъ нѣсколько минутъ опять онъ взялъ противную бумагу и прочиталъ еще разъ.

— Въ заключеніи предписали: „Немедленно рассчитать его и на будущее время не принимать такихъ, даже въ сторожа и разсылные“. Гдѣ онъ? Надо объявить ему это.

— Сейчасъ пошлю его,—сказалъ Георгіевскій и скрылся въ дверяхъ смежной комнаты.

Черезъ нѣсколько минутъ въ дверяхъ аппаратной появился пожилой мужчина. Онъ былъ въ пиджакъ и въ очкахъ. Лицо его было интеллигентное.

— Вотъ что Митрофанъ Кузьмичъ!—обратился къ нему Ермолкинъ.—Получена бумага, знаете, непріятная для меня и для васъ. Прочтите и распишитесь на ней, прибавилъ онъ, подавая ему бумагу.

Тотъ прочиталъ и расписался.

— Ну что жъ-- и не надо, Господь съ ними! Я не умру съ голоду, какъ не умиралъ ранѣе, когда этой конторы еще не было здѣсь,—въ достоинствомъ проговорилъ Митрофанъ Кузьмичъ.

— Конечно! Свѣтъ не клиномъ, знаете, сошелся. Желаете получить свои документы?

-- Надо бы.

Ермолкинъ досталъ изъ стола какую-ту бумагу и подалъ ее Митрофану Кузьмичу.

— Распишитесь въ полученіи!

— Гдѣ?

— А вотъ на этой противной бумагѣ. Жалованье за текущій мѣсяцъ получите 30 числа.

Расписавшись, Митрофанъ Кузьмичъ ушелъ.

Ермолкинъ снова зашагалъ по аппаратной.

Чувство обиды, возбужденное бумагой, немного улег-

лось. Ермолкинъ почти хладнокровно сталъ размышлять о своемъ положеніи.

— Надо ѣхать въ этотъ сосѣдній городишко и какъ можно скорѣе. Не найду ли тамъ кого-нибудь, хоть запасного писаря. А то, чертъ знаетъ, что еще можетъ случиться,—думаетъ Александръ Васильевичъ. Дѣйствительно, здѣсь необходимъ телеграфистъ въ виду предстоящаго капитальнаго ремонта линіи. Если не будетъ у насъ телеграфиста — опять этотъ ремонтъ уйдетъ изъ моихъ рукъ. А выпустить его чрезвычайно жаль. Это единственный случай, когда мы, телеграфные, имѣемъ возможность заработать сотенъ пять, шесть рублишекъ. Иванъ Николаевичъ!—крикнулъ онъ снова.

Тотъ появился въ дверяхъ. Александръ Васильевичъ повѣдалъ ему о своемъ намѣреніи ѣхать въ городъ какъ можно скорѣе. Сообщилъ ему и свои мечты о ремонтѣ. Тотъ пришелъ въ ужасъ при мысли опустить этотъ случай. Даже онъ, надсмотрщикъ, заработать сотняги двѣ, три.

— Надо ѣхать вамъ,—кончилъ Иванъ Николаевичъ свой монологъ объ этомъ выгодномъ гешефтѣ.

— Только вотъ вопросъ: когда?

— Да хоть сегодня.

— Въ такомъ случаѣ вамъ, знаете, придется остаться одному.

— А сторожъ?

— Да вѣдь мы его уже, знаете, рассчитали.

— Ахъ въ самомъ дѣлѣ! Впрочемъ я сейчасъ найду другого. У меня есть напримѣтъ одинъ парень. Немного грамотный.

— Ну вотъ и отлично. Не скажите ли ему сейчасъ это? Если согласенъ, пусть забираетъ свои пожитки и кочуетъ сюда. Тогда можно и ѣхать мнѣ.

— Ладно.

Георгіевскій ушелъ. Ермолкинъ собралъ полученные бумаги и замкнулъ ихъ въ столъ. Едва успѣлъ онъ

это сдѣлать, какъ въ дверяхъ изъ передней появился „податель“ съ бумажкой въ рукѣ.

Александръ Васильевичъ, улыбаясь, быстро направился къ нему навстрѣчу.

Посѣтителъ былъ нѣкто Бутылкинъ, торговецъ, богатый человѣкъ, хлѣбосоль и кулакъ.

— Глубокоуважаемый Никонъ Павловичъ! Мое вамъ почтеніе! Пожалуйста сюда, — подобострастно и съ низкимъ поклономъ говорилъ Ермолкинъ, усаживая дорогого посѣтителя въ аппаратной за письменный столъ.

— Здравствуйте Александръ Васильевичъ! Вотъ телеграммку принесъ вамъ. Все-таки доставляю доходишко въ казну. Кто-то безъ меня станетъ вамъ приносить его. Ха, ха, ха...

— Я всегда и всѣмъ говорилъ и говорю, знаете, что въ вашемъ лицѣ они теряютъ своего истиннаго благодѣтеля, поильца и кормильца, — льстилъ Ермолкинъ своему гостю.

— Пусть ихъ.

— Признаюсь, Никонъ Павловичъ, я не вѣрилъ, что вы бросите насъ, — сказалъ Александръ Васильевичъ, подавая Бутылкину квитанцію. — Теперь вижу, что это, знаете, фактъ. А питейное какъ?

— Питейное-то останется здѣсь. Старшій сынъ будетъ хозяйничать при немъ.

— Когда же думаете выѣзжать?

— Сегодня къ вечеру. Въ Туркѣ придется кормить лошадокъ. А завтра къ обѣду въ городѣ буду.

— Конечно, вы съ семействомъ ѣдете и со всѣмъ имуществомъ?

— Нѣтъ. Я одинъ, а онѣ помаленьку станутъ двигаться, потому цѣлый обозъ пожитокъ. Положимъ, все больше хламъ.

— Ну, какой же у васъ хламъ! Навѣрно все дорогія и хорошія вещи по домашности. Это у нашего брата, бѣдняка-чиновника, дѣйствительно хламъ, знаете, — не

унимался лѣстять Ермолкинъ.—Сію минуту передамъ!—прибавилъ онъ, садясь къ аппарату.

Ему пришла мысль какъ бы хорошо отправиться съ этимъ благодѣтелемъ.—Можно уладить съ нимъ одно дѣльце. Рублей 300 зароблю — Въ одинъ мигъ онъ подсчиталъ итогъ дивидендика: 10 руб. теперь да 340 р. въ томъ мѣсяцѣ... Не дурно это заробить,—умственно рѣшилъ онъ.—Придется донести телеграфомъ — объ отлучкѣ на линію для предупрежденія поврежденія всѣхъ проводовъ. Для управленія почтово-телеграфнаго округа такое поврежденіе — самая страшная вещь, благодаря транзитной международной телеграфной корреспонденціи. Для счета, въ контроль, достану въ волости у Сидора Карповича донесеніе на свое имя, о поврежденіи грозой нѣсколькихъ столбовъ. Вотъ и оправдательный документъ.

Размышляя такъ, онъ вызвалъ сосѣднюю городскую контору и передалъ ей телеграмму Бутылкина.

Затѣмъ Александръ Васильевичъ высказалъ Никону Павловичу свою мысль ѣхать въ городъ...

— Только вотъ щекотливый, знаете, вопросъ: сколько вы возьмете съ меня,—окончилъ онъ свою фразу.

— И отлично! Весело прокатимся, ей-богу! Лучше и придумать нельзя,—обрадовался Бутылкинъ.—А возьму я съ васъ недороже прогоновъ за одну лошадь.

— Благодарю васъ.

— Ну вотъ и отлично! Въ часа 4, послѣ обѣда, выѣдемъ. Къ тому времени вы будете готовы и придете ко мнѣ. Думаю, не встрѣчу ли на дорогѣ обозъ переселенцевъ. Вотъ бы хорошо-то было!

— Не эти ли переселенцы получили разрѣшеніе отъ общества поселиться здѣсь на излишествующей землѣ?

— Вотъ, вотъ. Видите, мой свать видѣлъ ихъ въ городѣ и слышалъ отъ нихъ, что они желали бы сразу купить здѣсь домъ. Семейка, повидимому, деньжистая. Вотъ я и хочу предложить имъ свой-то, съ лавочкой. Если

не согласны будутъ купить съ товаромъ, то могу и безъ него. Пока желѣзо-то горячо, и надо ковать его. А то мои недруги отобьютъ у меня эту оказію. Ну, такъ до свиданія. Сегодня, значить, вмѣстѣ въ путь-дорогу.

Бутылкинъ ушелъ. Ермолкинъ, проводивъ его до калитки, засуетился въ своей комнатѣ, передавъ по телеграфу коротельское донесеніе о поѣздкѣ на линію.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Впрочемъ, суета Александра Васильевича была не продолжительна. Меньше чѣмъ чрезъ часъ онъ былъ почти готовъ къ поѣздкѣ. Небольшой сакъ наполненъ необходимыми — въ дорогѣ — предметами, для личнаго обихода. Самъ хозяинъ этого сака былъ въ дорожномъ платьѣ. Между прочимъ на боку его висѣла дорожная сумочка, а изъ бокового кармана брюкъ торчала трубочка, съ кожаной табачницей и спичками.

Кончивъ всѣ несложныя приготовленія и закусивъ на дорогу, Александръ Васильевичъ бесѣдовалъ въ аппаратной съ Иваномъ Николаевичемъ. Тотъ и другой время-отъ-времени прислушивались къ телеграфной трескотнѣ, читалъ „по звуку“ проходящія интересныя дѣшеи, служебныя и частныя. Такимъ способомъ нерѣдко узнаются весьма важныя мѣстныя и общегосударственныя новости...

Бесѣдуя, они коснулись между прочимъ и служебныхъ обязанностей и совѣтывались по вопросу, гдѣ искать Ермолкину, въ городѣ, кандидата на должность телеграфиста. Затѣмъ Ермолкинъ высказалъ увѣренность, что Георгіевскій объ этой поѣздкѣ, если потребуется, не скажетъ лишняго; что проходящія почты попрежнему будутъ безъ инцидентовъ, всегда неприятныхъ вообще

для начальства, въ особенности для начальника конторы; что при проѣздѣ какого-нибудь генерала или курьера, никакихъ затрудненій въ лошадахъ не будетъ. Успокоенный насчетъ этого помощникомъ, Ермолкинъ забралъ дорожныя принадлежности и ушелъ къ Бутылкину. Черезъ часа два они уѣхали.

Послѣдуемъ и мы за ними, читатель.

Эта поѣздка отъ Кандальной до города была для Никона Павловича пастоящимъ триумфальнымъ шествіемъ. Вѣдь всему населенію округа превосходно былъ извѣстенъ этотъ „благодѣтель“, какъ называли его крестьяне. Скупка у нихъ сельскихъ продуктовъ, ссуда имъ денегъ и продажа товара—вотъ эти „заслуги“, благодаря коимъ имя этого благодѣтеля стало популярно среди населенія.

Впрочемъ, эта популярность неоднородна. Большинство сельскаго населенія поругивало „этого волка“. Говорятъ, есть за что было и ругать. Покупая у нихъ продукты, онъ платилъ цѣны чрезвычайно низкія. При платежахъ же за эти продукты выплачивалъ не деньгами, какъ тѣ желали, а товаромъ. Послѣдній расцѣнивался имъ чрезвычайно дорого. Ссужал деньгами подъ расписки и векселя, бралъ немалые проценты. Въ уплату долговъ бралъ все по низшимъ цѣнамъ—и кожи, и мясо, и скоть, и хлѣбъ, и масло, и шерсть... Кромѣ этихъ недруговъ, какъ уже говорилъ я, у Никона Павловича были и друзья-доброжелатели. Вотъ они въ полномъ составѣ: богатые крестьяне, старшины, старосты, сельскіе батюшки, полицейскіе чиновники и крестьянскіе начальники. Прославляя полезѣйшую дѣятельность Бутылкина, они говорили: „Не будь его, кто бы скупалъ у бѣдняковъ ихъ продукты? Кто бы ссужалъ ихъ деньгами на нужды? Положимъ, цѣны, по которымъ онъ покупаетъ все у крестьянъ, низки. Но вѣдь это безъ доставки. Послѣднюю онъ принимаетъ на себя. Никто не неволитъ ихъ имѣть съ нимъ дѣла.

Пусть возьмѣтъ свой товаръ въ городъ. Сами убѣдятся, сколько имъ вскоичитъ эта доставка.“

Вотъ эти друзья и устраивали ему встрѣчи въ каждой деревенькѣ, мимо которой не могъ не проѣхать Бутылкинъ, со своимъ спутникомъ. Хозяинъ усадьбы, куда заѣзжалъ обыкновенно Никонъ Павловичъ, съ ранняго утра поджидалъ дорогого гостя у воротъ, раскрытыхъ настежь. Въ это время хозяйка, тоже одѣтая въ лучшее домашнее платье, жарила и варила, пекла и готовила разные деревенскіе деликатесы. Не успѣетъ, бывало, тройка, съ гостемъ подъѣхать въ воротамъ, а хозяйинъ и хозяйка со всѣми чадами и домочадцами уже окружали экипажъ.

— Дорогой гость! Дорогой гость! Наше красное солнышко, Никонъ Павловичъ! Добро пожаловать, свѣтикъ! — кричали ему со всѣхъ сторонъ.

Вотъ тройка въѣхала во дворъ. Едва Никонъ Павловичъ встанетъ въ экипажъ, желая вылѣзти изъ него, нѣсколько паръ рукъ уже протягиваются къ нему, чтобы помочь... Съ минуты прибытія гостя, собирались въ усадьбу всѣ деревенскіе друзья Бутылкина и начинался пиръ горой...

Не оставалась безучастной къ этому событію и деревенская бѣднота. Количество послѣдней превышало число деревенскихъ богачей, друзей дорогого гостя, превышало разъ въ триста, четыреста.

— Слышь, кумъ, пріѣхалъ нашъ-то волкъ, чтобъ ему!..

— То-то пріѣхалъ, холера его забери!

— Боюсь, кумъ, какъ бы не сталъ по-прошлогоднему долги собирать.

— То и говорилъ вчера нашъ-отъ старшина кое-кому изъ нашихъ...

— А чаво онъ говорилъ?

— Деньжонокъ, грятъ, припасайте къ завтраму.

— Ишь извн его, какъ хлопочетъ для своого друга!

- Еще бы! Воронъ ворону глазъ не выклюсть.
— Завсегда такъ.
— Не сталъ бы требовать мово бычка вмѣсто денегъ...
— А я, паре, который годъ прячу отъ его жадныхъ глазъ своего конягу.
Ежели узнаеть, что съ рысью, то поминай какъ звали твоео рысачка.
— То-то и есть!
— Хватаеть—хватаеть, кожу сдираеть съ живыхъ и мертвыхъ, а все мало, все мало.

- Слышала, кума, волкъ-то нашъ здѣсь!
— Чаво ты врешь, кума?!—съ ужасомъ шепчетъ кума, крестясь.
— Право слово здѣсь, кумушка!
— Ой, Боже милостивый, помилуй и спаси насъ!
Опять поди будетъ ходить по домамъ со старшиной *).
— А лѣшій его знаетъ...
— То-то и уѣхалъ твой-отъ мужикъ.
— Отъ него, чорта, и уѣхалъ, а мпѣ наказалъ запереться и никого не пускать.
— Вотъ напасть! Если придетъ къ намъ, и станеть обходить дворишки—чаво мы станемъ дѣлать?!. Не увелъ бы опять какую скотинку!...

- Митревна! Слышь, что я те скажу. Иродъ-отъ нашъ, чтобъ его язвило, здѣсь-яка!
— Слышала, слышала, сватья, слышала, голубка.
— А я даже видѣла его сѣдни у старшины.
— Вотъ какъ! Значить, призывалъ тебя?
— Призывалъ, сватьюшка, призывалъ!
— Да штой-то! Ну?
— Ну чого жъ, говорить, скоро уплатишь долгъ-отъ?
— Вотъ анафема, трижды проклятой! Ты чого жъ ему на это?

*) Собирать долги

— Я говорю: Жди молъ — на томъ свѣтѣ угольками твою милость ублаготворю. Хи, хи, хи...

— Хи, хи, хи! Что жъ онъ на эфто?

— А онъ мнѣ на эфто: Желательно, грить, получить съ тебя на эфтомъ свѣтѣ. Потому на томъ, грить, угольковъ-то эфтихъ ужъ больно много будетъ отъ вашего брата. Хи, хи, хи...

— Хи, хи, хи...

Я ему и говорю: По заслугамъ твоимъ, заслужилъ молъ. „Ты, грить, баба, зубы-то мои не заговаривай. Дѣло, грить, о долгишкѣ твоемъ идетъ. Вѣдь, грить, Дуняшка-то твоя подросла, пора въ люди отдать. Вотъ, грить, и отдавай ее мнѣ. Я ее, грить, пристрою на хорошее мѣсто, къ одному хорошему барину“.*)

— Чорна его немочь! Пускай все они пропадаютъ, ироды! Чтобъ имъ ни дна, ни покрышки! Мою Катюшку съѣли и не подавились, холеры. Ну, сватьюшка, ты что жъ ему на эфто?

А я ему на эфто и говорю: Не отдамъ, молъ, дѣва-ху, потому, говорю, она у меня что-то хвора-етъ. „Да чего ты врешь, грить! Я, грить, сѣдни видѣлъ ее, у воротъ стоитъ.“

— Значить, онъ ходилъ по избамъ, сватьюшка?

— Нѣтъ не ходилъ. Слушай дальше. „Стоить, грить, у воротъ. Дѣвка, грить, кровь съ молокомъ, какъ бутонъ какой налилась. Въ самый разъ таперича ее, грить, господамъ, на потѣху“. Каково слышать эфто родной матери? А?! Просто, сватья, они насъ въ грошъ не отавяютъ. Для нихъ мы не люди совѣмъ, а такъ себѣ, созданы для ихней улады...

— Проклятыя, чтобъ ихъ кумуха завернула, чертей! Гдѣ же онъ, чортъ, высмотрѣлъ ее?

— Вотъ я у него и спросила... Врешь, молъ, не видѣлъ

*) А жалованье ее будетъ поступать Вутылкину на уплату долга.